

НАБЕГИ КУБАНСКИХ ТАТАР НА РОССИЮ В 1715 ГОДУ

Вопросы взаимоотношений России и ее подданных калмыков с причерноморскими вассалами Турции (Крымским ханством и кубанскими татарами) в XVIII в. неоднократно привлекали внимание российских и зарубежных исследователей [2; 3; 4; 7; 10; 13]. Несмотря на, казалось бы, достаточно хорошо изученную тему, в ней до сих пор остается ряд белых пятен. К их числу можно отнести поход кубанских татар на Нижнюю Волгу в 1715 г.

В историографии прочно закрепилось мнение, что целью похода кубанского сераскира Бахты-Гирея зимой 1715 г. в Нижнее Поволжье было именно Калмыцкое ханство. Об этом говорится в сочинении В. М. Бакунина [2, с. 31]. Подобной точки зрения придерживался Иакинф (Бачурин) [8, с. 384-386]. Именно эти авторы заложили историческую традицию трактовки событий кубанского похода 1715 г., которой впоследствии придерживались и другие исследователи [10; 11; 13].

Рассматривая основной ход событий, ряд исследователей [8; 11] склоняется к мнению, что поход кубанцев под Астрахань явился полной неожиданностью для калмыков. Другие [2; 12; 13] не придают фактору внезапности особого значения, а в работе В. Т. Тепкеева приводятся убедительные факты, свидетельствующие, что калмыки знали о готовящемся кубанском походе и получили заранее военные припасы от астраханских властей. Так, он пишет, что в январе 1715 г. сын хана Аюки Чакдоржаб направил небольшой разведывательный отряд в кубанскую сторону, который вернулся с "языками", показавшими, что подготовка кубанского войска к походу идет полным ходом, а в феврале того года Чакдоржаб получил известие из Черкасского казачьего городка, что "кубанцы поднялись" [13, с. 40].

Тем не менее, все исследователи отмечают, что кубанским татарам удалось захватить врасплох хана Аюку, который еле успел спастись под защиту российских войск, собранных для экспедиции в Хивинское ханство, которыми командовал князь А. Бекович-Черкасский. Со ссылкой на известия Иакинфа (Бачурина) Б. К. Мальбахов и К. Ф. Дзамихов, пишут, что кубанцам достались кибитка хана Аюки со всем имуществом [10, с. 70]. Тот же факт констатируют Н. Попов [12, с. 246] и В. М. Бакунин, который добавляет, что при этом "и пункты, данные Аюке с российской стороны от князя Бориса Алексеевича Голицына, утратились" [2, с. 31].

Следствием похода Бахты-Гирея стал разгром калмыцких улусов, уход татарских подданных хана Аюки на Кубань. Историография приписывает данному событию последующее ухудшение отношения хана Аюки к России, представители которой, в частности, князь А. Бекович-Черкасский, якобы не оказали ему действенной помощи во время прихода кубанских войск. В ответ, по мнению исследователей, калмыки оплатили России той же монетой, отказавшись выступить против кубанских татар во время их похода в 1717 г. в Среднее Поволжье, к чему их призывали коменданты поволжских городов. Сам же калмыцкий хан фактически погубил экспедицию А. Бековича-Черкасского в Хиву, сообщив хивинскому хану, что русский отряд движется для того, чтобы завладеть его ханством [2, с. 31-32; 8, с. 384-386; 10, с. 73-74; 12, с. 246].

Характерно, что на протяжении почти двух с половиной столетий каких-либо документальных доказательств причастности хана Аюки к гибели экспедиции А. Бековича-Черкасского не существовало и исследователи придерживались в этом вопросе исторической традиции, заложенной В. М. Бакуниным. Но сравнительно недавно казахстанской исследовательнице Ж. Б. Кундакбаевой удалось обнаружить в ОПИ ГИМ донесение в Астраханскую губернскую канцелярию калмыцкого информатора на российской службе Олдоксона, датированное 1722 г., подтверждающее сведения, изложен-

ные в сочинении В. М. Бакунина о роли хана Аюки в судьбе российской экспедиции в Хиву [9, с. 169].

Так, исследователями в общих чертах преподносятся основная канва событий кубанского похода Бахты-Гирея в Поволжье 1715 г. и формулируются выводы.

Документы, обнаруженные нами в Российском государственном архиве древних актов, рисуют несколько иную картину событий, происходивших в Нижнем Поволжье в 1715 г. Речь идет о письмах, поступивших в Казанскую губернскую канцелярию от непосредственных участников и очевидцев происходивших событий: лейб-гвардии капитана князя А. Бековича-Черкасского и подполковника Немкова, находившегося во время нашествия кубанского войска зимой 1715 г. непосредственно при хане Аюке. Выявленные документы являются копиями с подлинных писем, они были отправлены из Казани в Сенат за подписью казанского вице-губернатора Н. А. Кудрявцева.

Благодаря этим новым источникам можно точно установить хронологию и сам ход событий, выявить роль отдельных исторических личностей и, что особенно важно, внести важные уточнения в устоявшиеся в науке стереотипы о данном походе кубанского сераскира Бахты-Гирея.

Так, из письма князя А. Бековича-Черкасского следует, что огромное кубанское войско “числом их 30000 человек” (взятые впоследствии в плен кубанцы говорили, “будто не осталось на Кубани ни одного человека”) “нечаянно” появилось в окрестностях Астрахани 15 февраля 1715 г., а не в начале марта, как пишет В. Т. Тепкеев [13, с. 41]. Кубанцы сразу же напали на калмыков, в частности, на “кош Аюки хана”, располагавшийся в шести верстах от Астрахани на Болдинском острове “близ крепости, где управляют морские суды” [1, л. 608 об.].

Нападение на хана Аюку следует отнести к элементу случайности, а не к запланированному акту. А. Бекович-Черкасский и подполковник Немков свидетельствовали, что калмыцкий хан появился на Болдинском острове всего за два дня до нападения кубанцев, приехав от Красноярской крепости. Учитывая расстояние от Кубани до Волги, которое следовало пройти 30-тысячному войску, Бахты-Гирей, конечно же, не мог рассчитать с такой точностью направление удара по фактической ставке калмыцкого хана. Аюка вполне мог избежать нападения на себя лично, если бы остался в районе Красноярской крепости.

Подполковник Немков нашел кибитку калмыцкого хана, вместе с которой стояла кибитка Адиль-Гирея Черкасского, в полдень 15 февраля и расположился рядом. “И близко его калмык не было, – уточнял он, – кроме их двух и караулу при ево милости” Буквально через час после того, как Немков присоединился к кибиткам хана и Адиль-Гирея Черкасского, на них было совершено нападение. “Всем собраньем, – описывал он, – кубанцы 30000 в том числе и некрасовцы изменники прямо с нагорной стороны (Волги. – И. Т.) перешли к Болдинскому острову и от них отделилось кубанцов человек со ста и бросились на ханскую кибитку и взяли кибитку его со всеми пожитки, при том взяли печать ево ханскую” [1, л. 609 об.].

Указание Немкова на участие некрасовских казаков в данном походе весьма интересно, так как нигде больше не встречается. Подполковник сообщает, что взятые из кубанцев “языки” сказали, “будто вор изменник Игнашко Некрасов отшел с ними в третий день на степи умер” [1, л. 611].

Хан Аюка, по словам Немкова, чудом избежал плена, так как “мало успевши при том часе отъехал от кибитки своей на том же острове”, при этом сам Немков оказался в момент нападения далеко от лошади и вынужден был пешком присоединиться к калмыцкому хану. Нападение кубанцев было столь стремительным, что, по мнению князя А. Бековича-Черкасского, если бы Аюка “часа не убрался, то бы и сам у них в руках был”

Сил для отпора нападавшим у калмыцкого хана не было, поэтому он вынужден был спасаться бегством вместе со своими людьми, которых, по подсчету Немкова, было не более 30 человек. Все остальные калмыки находились вместе с сыном хана Аюки Чакдоржабом “за карабельной крепостью на другом острове к Астрахани ближе” У той же крепости находились войска Хивинской экспедиции во главе с князем А. Бековичем-Черкасским, состоящие из пехотных полков и артиллерии [1, л. 609 об.].

Путь к спасению калмыцкому хану был указан князем А. Бековичем-Черкасским, который, по словам Немкова, прислал к хану Аюке гонца, “чтоб ехал скоро до ево полков и к сыну своему Чакдоржабу”. Не успел Аюка вместе с подполковником Немковым и еще одним “ханским человеком” отъехать от остальной группы калмыков на 20 сажень, как кубанцы в ту же минуту обратили на них внимание и бросились за ними в погоню. Преследователи “гнались за нами, – писал Немков, – по льду и бечевою до самой Кутумовы (название рукава Волги. – И. Т.) к Астрахани мимо всех калмыцких войск” Тем временем калмыки, увидев, что преследователей не более ста человек, а остальное кубанское войско осталось на другой стороне реки Болды, бросились на них и “закололи кубанцов копьями 50 человек”, потеряв в этой схватке 13 своих. По сведениям князя А. Бековича-Черкасского, во время того боя, произошедшего у самой крепости, калмыки одного знатного мурзу убили [1, л. 608 об.]. А “больше того калмыцкого бою с кубанцами не было”, – отмечал Немков [1, л. 610]. Российские войска не принимали участия в схватке, но напряжение было достаточно велико: “мало, что в дело не вступили”, – отмечал князь А. Бекович-Черкасский [1, л. 608 об.].

Таким образом, благодаря вовремя поступившему предложению от начальника Хивинской экспедиции и самоотверженным действиям калмыков, находящихся с его сыном Чакдоржабом, Аюке удалось избежать гибели или плена и, как отмечал князь А. Бекович-Черкасский, калмыцкий хан “в крепости Болдинской спасся русскими людьми” [1, л. 608 об.].

Свидетельства непосредственных участников событий заставляют с недоверием относиться к сообщению В. Т. Тепкеева, утверждающего без достаточного на то основания о том, что Бахты-Гирей добился успеха в сражении с ханом Аюкой, в результате которого “калмыки отступили, потеряв убитыми на поле боя более 3 тысяч человек” [13, с. 41]. Необходимо также подчеркнуть, что описываемые события происходили, как явствует из документов, в окрестностях крепости, выстроенной на Болдинском острове. Именно там, а не возле Астрахани, располагались войска Хивинской экспедиции. К тому же в крепости на Болдинском острове хранились судовые припасы, необходимые для строительства кораблей, предназначенных для целей морской составляющей экспедиции князя А. Бековича-Черкасского.

Дальнейшие события развивались следующим образом: войско Бахты-Гирея, не принимая 15 февраля дальнейших попыток вступить в бой с калмыками, находившимися вблизи Астрахани, остановилось на другой стороне реки Болды “от Болдинского городка неподалеку” и переночевало. На следующий день, по словам князя А. Бековича-Черкасского, кубанские татары отправились в сторону Красноярской крепости и “которые были калмыцкие аулы, те все побрали многое число..., да оные кубанцы взяли, которые были во владении у Аюки хана едисанов и енбулуков числом с 7000” [1, л. 609].

Подполковник Немков дает более детализированное описание дальнейшего похода кубанского войска. Он сообщает, что пятитысячный отряд кубанских татар был отправлен от реки Болды к Красному Яру и “которые были калмыки в круг Красного Яру, разве малые люди спаслись, ушед под Красный Яр”. Хан Аюка, побывав после кубанского нашествия в районе Красноярской крепости, оценивая понесенные калмыками потери, считал, что было убито и взято в плен от одной до двух тысяч калмыков. “А что за Красным Яром калмык побито от кубанцов и взятых в полон, о сем еще не ведом”, – говорил Аюка подполковнику Немкову.

Тот же подполковник отмечает, что в то время на всем пространстве от реки Болды до Красного Яра “сплошь кочевали ханские етсаны и енбулуки, всего их было с 10000 кибиток”. По его словам, кубанцы взяли этих татар “без бою”, не оставили ни одного человека, “ни скота”. В связи с чем он высказал предположение, что Бахты-Гирей имел с ними тайный сговор: “знатно шли прямо на них с ними по согласию”. После этого кубанцы вместе с едисанцами и джембулуковцами собрались возле Ивановского монастыря, переночевали и пошли, обходя Астрахань, вниз к учугам, взяв с собой в проводники двух юртовских татар.

В это же время, воспользовавшись набегом кубанцев, поднял восстание среди юртовских татар Эльмурза Тинбаев, за которым пошли 500 кибиток. По словам Немкова, “оной изменник уже делал пуцкие пакости и убивства государевым людям на учугах”. Во время прихода кубанских татар Эльмурза Тинбаев “с изменники с юртовыми татари русских людей на учугах кололи много и над ними ругательство чинили – Троицкого монастыря дву человеком груди взрезал и сердца из них вынели”, о чем извещал строитель данного монастыря. Эти факты навели Немкова на мысль, что “впредь юртовым татарам всем верить, по-видимому, отнюдь не надобно”.

Тем временем пятитысячный кубанский отряд направился от Красного Яра далее вдоль северного побережья Каспийского моря в сторону яицкого Гурьева городка. “Чаю будет от них калмыкам великая беда, – писал казанский вице-губернатор Н. А. Кудрявцев, – понеже в первую свою ездку видел он подполковник много калмык к морю кочевали” [1, л. 610 об.].

Спустя 5 или 6 дней крупный отряд калмыков под предводительством сына Чакдоржаба Досана отправился вслед за кубанцами на Яик. Последняя информация, которая дошла до Немкова при его отъезде из Астрахани в Дмитриевский городок, состояла в том, что калмыки “наехали” кубанцев и “бою с ними не дали, только на них посмотрели и воротились на побег”.

Подобное робкое отношение калмыков можно объяснить тем страхом, которые испытывали они во время состоявшегося нашествия Бахты-Гирея. По свидетельству Немкова, калмыцкие владельцы так “оробели”, что “хуже того быть невозможно – во всю кубанскую бытность ни один владелец с людьми своими с места не уступил, токмо огородил себя кошмами и оклался верблюдами, покаместь кубанцы были тут”, и так отсиделись [1, л. 611]. Князь А. Бекович-Черкасский тоже заметил, что все калмыки “в великом страхе были, покаместь кубанцы не отошли, однако в надеянии были на государевых людей, которые с нами” [1, л. 809].

Хан Аюка и Чакдоржаб во время кубанского нашествия все время находились вместе с командой князя А. Бековича-Черкасского. Немков высоко оценил роль войск Хивинской экспедиции и лично князя А. Бековича-Черкасского в упомянутых событиях. “Божеское милосердие, – отмечал он, – что в помянутые причины прилучился быть князь Александр Бекович в Астрахани, коли б де ево в такую пору не было, конечно б калмыцкое войско, что их было в собрании под Астраханью б, не спаслись без великой беды”.

Сведений, что калмыцкий хан требовал от князя А. Бековича-Черкасского открыть огонь по кубанскому войску, в документах не встречается, но факт выступления полков Хивинской экспедиции на защиту кочевого и оседлого населения края находит подтверждение. Подполковник Немков особо подчеркнул в своем письме, что командир Хивинской экспедиции защитил не только калмыков под Астраханью, но и татарские юрты. “Князь Александр Бекович своим охранением стоя сам за юртами на карауле сутки, а не уступя от строю был четверы сутки, не имея себе малого покоя, – писал он, – и хан и калмыки спасение получили им же...” [1, л. 611].

Можно допустить, что просьбы калмыцкого хана не нашли отражение в кратком отчете князя А. Бековича-Черкасского о произошедших февральских событиях под

Астраханью. Вполне возможно, что князь не придавал им того значения, которое впоследствии придавали исследователи. Ведь судя по тому вниманию, которое уделяется в историографии требованию (его еще надо документально подтвердить) калмыцкого хана к начальнику Хивинской экспедиции стрелять по кубанскому войску, именно это событие оказало решающее влияние на отношение хана Аюки к самому князю А. Бекевичу-Черкасскому и сказалось на последующих действиях калмыцкого хана.

Урон, нанесенный Калмыцкому ханству в результате похода Бахты-Гирея в Нижнее Поволжье, был весьма существенным. Здесь оценки исследователей практически совпадают. Заметим, что спустя двадцать лет после этих событий кабинет-министр вице-канцлер граф А. И. Остерман в письме к турецкому верховному визирю подчеркивал, что кубанцы в 1715 г. не только нападали на калмыков хана Аюки, учинили им "великое кровопролитие" и захватом имущества нанесли российским подданным огромный ущерб, но еще и увели с собой из-под Астрахани 1220 кибиток ясашных татар, 1000 кибиток юртовских татар во главе с Эльмурзою и Мамбет-Мурзой Тимбаевыми, а также 10300 кибиток едисанцев и джембулуковцев, "откуда они потом в самый Крым и к Днепру переведены и в явную противность вечного мира до сего времени в турецкой стороне содержатся..." [5, с. 366]. Впрочем, со ссылкой на труд И. И. Голикова [6, с. 13] П. Г. Бутков, поместивший в приложении к своему исследованию вышеприведенное письмо, утверждает, что "находившиеся в Астрахани в гарнизоне полки нагнав их отбили полоненных и злодеев тех прогнали" Однако данные сведения нуждаются в подтверждении.

Главной причиной разгрома Калмыцкого ханства князь А. Бекевич-Черкасский считал разобщенность сил калмыков перед лицом угрозы со стороны кубанского войска. "Такое несчастье их было, - писал он, - что они все в разности были и неосторожно ведали, что кубанцы на них идут, а не умели собратца заранее" [1, л. 609]. Настойчивые просьбы калмыцкого хана о защите были в 1715 г. удовлетворены. Для его охраны был определен для постоянного пребывания при нем специальный представитель. Первым на эту должность был назначен стольник Д. Бахметьев, в распоряжении которого находился отряд драгун [2, с. 31].

Зимний поход Бахты-Гирея в Нижнее Поволжье и на Яик продемонстрировал серьезность угрозы, исходящей от кубанских татар для южных российских территорий. Дальнейшие события, произошедшие в мае 1715 г., подтвердили необходимость принятия мер против кубанских нашествий. 18 мая кубанские татары повторили набег на окрестности Астрахани. На этот раз его возглавил кубанский Мусал Мурза "с товарищами и з родством" Кубанские татары появились "воровским приходом многолюдством у соляных озер", откуда пришли к Волге напротив Астрахани "для взятъя остальных едисанов и енбулуков". Майский набег кубанских татар на Волгу не представлял значительной угрозы для населения Астрахани и округи. По сведениям кубанцев, захваченных в плен, в набеге участвовало всего 350 человек. Проявив настойчивость, астраханские власти "по многим переговорам" убедили Мусал Мирзу отказаться от этой затеи и вернуться со своими людьми на Кубань [1, л. 623].

Часть кубанцев все же решила не возвращаться домой с пустыми руками и осталась под Астрахань "для воровства". Пятеро из них попались среди ночи на краже небольшого (10 голов) табуна лошадей у астраханских юртовских татар и были посажены под арест. Полгода спустя в Астрахань приехал представитель крымского султана Менгли-Гирея Агаджи Хаджа, который убедил астраханского обер-коменданта М. И. Чирикова выдать ему задержанных келечинца Тарьсбергея с братьями в обмен на устное обещание обратиться к Менгли-Гирею с просьбой освободить русских пленных. М. И. Чириков так и поступил, освободив кубанских татар и написав письмо к Менгли-Гирею, в котором просил взятых под Астраханью "от приходу их воровских кубанских татар неволею" освободить [1, л. 623 об.]. Данная инициатива была неоднозначно встречена в

Казани. Оттуда в Астрахань прислали запрос, на основании какого указа обер-комендант освободил из-под стражи пойманных на воровстве кубанских татар. Оказалось, что это была его личная инициатива, которая показывала, что местные власти искали способы наладить мирные отношения с Кубанской ордой. В. Т. Тепкеев сообщает, что астраханский обер-комендант М. И. Чириков, князь А. Бекович-Черкасский и хан Аюка направили на Кубань владельцев Ямана и Норбо вместе с дворянином К. Ворониным, которые после долгих переговоров с Бахты-Гиреем "мирное постановление учинили и Коран меж себя целовали в том, чтоб оному Бахты-Гирею Салтану от них калмык, отъехав и впредь войны не чинить, а ясырей выкупать меж собою по тридцати рублей за человека" [13, с. 43].

Данный договор, видимо, не означал, что кубанские татары вовсе прекратят набеги на Россию. Скорее всего, он носил локальный характер и касался только взаимоотношений между Бахты-Гиреем, ханом Аюкой и астраханскими властями и не распространялся на другие территории. Так, в 1716 г. в Поволжье вновь была объявлена тревога. В Саратов поступило донесение от стольника Д. Бахметьева, который через хана Аюку узнал о том, что готовится новый кубанский поход в Поволжье. Кубанцы, по сведениям разведчиков, собираются идти "под российские города и под села и под деревни, которые выше Саратова" Информаторы калмыцкого хана утверждали также, что крымское войско, направленное против "цесарцев", приказано было по Указу из Константинополя вернуть обратно из опасения, что русские войска могут вторгнуться в Крым. Повод к беспокойству турецкого султана подала информация, что русский царь оказал, вопреки мирному договору с Турцией, военную помощь "цесарцам" против Османской Империи [1, л. 627].

В 1717 г. Бахты-Гирей совершил новый крупный поход против России. "С великим корпусом татар, турков, азовских бешлеев и других народов" он вторгся в Среднее Поволжье и опустошил Симбирский и Пензенский уезды. По словам кабинет-министра вице-канцлера графа А. И. Остермана, Бахты-Гирей "все строения и жилища пожег, людей непощадя, самых младенцев побил и более 30 т. в плен и в неволю побрал и своим грабежом подданным и землям всероссийским на многие миллионы убытку приключил" [5, с. 367].

Исследователи, как уже было сказано, обращали внимание на позицию хан Аюки, который отказывался в ходе кубанских набегов предоставлять помощь российским властям. Данный факт традиционно связывается с конфликтом между Аюкой и князем А. Бековичем-Черкасским. По нашему мнению, калмыцкий хан, связанный договором с Бахты-Гиреем, умело прикрывался пресловутым "отказом" начальника Хивинской экспедиции, который никто не мог подтвердить, как удобным предлогом не выступать против Кубанской орды. Сохранение мира с кубанцами было для него намного важнее, чем интересы населения российских земель.

Характерно, что Аюка в таких ситуациях ссылался именно на князя А. Бековича-Черкасского, погибшего в Хивинском походе, а не на астраханские власти, которые ему не в чем было упрекнуть. Примечательно также, что в отношении Калмыцкого ханства и самого Аюки каких-либо санкций за неокказание помощи российским властям в борьбе с набегами кубанских татар не последовало. В период пребывания императора Петра I в Нижнем Поволжье калмыцкий хан виделся с ним, и со стороны российского государя в его адрес не было высказано каких-либо претензий. Этот факт также может служить подтверждением того, что российские власти придавали большое значение стабилизации обстановки на южных рубежах страны, одним из гарантов которой были мирные отношения, установившиеся, пусть и не на продолжительное время, в конце второго десятилетия между Калмыцким ханством и Кубанской ордой.

Источники и литература

1. РГАДА. – Ф. 248. – Оп. 3. – Кн. 102.
2. Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995.
3. Батыров В. В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами // Сарепта: Историко-этнографический вестник. – Волгоград, 2006.
4. Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 года // Военный сборник. – Кн. 3. Март. – 1867.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. – СПб., 1869.
6. Голиков И. И. Деяния Петра Великого. – М., 1788. – Т. VI.
7. Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX століття. – Вип. 5. – Запоріжжя, 2000.
8. Иакинф (Бачурин). Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. – СПб., 1838.
9. Кундакбаева Ж. Б. “Знаком милости Е. И. В. ...”. Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. – СПб., 2005.
10. Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимоотношениях с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1996.
11. Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. – М., 1998.
12. Попов Н. Татищев и его время. – М., 1861.
13. Тепкеев В. Т. Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 гг. // Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н. К. Крупской 27 сентября 2004 г. – Астраханское востоковедение / Отв. ред. А. Н. Родин. – Астрахань, 2006.